Александр Александрович Ульянов
(Председатель Совета ветеранов (участников ВОВ), членов Союза кинематографистов г. Москвы)

«Попытаюсь по памяти воскресить историю, связанную с Аллеей Партизан в парке 50-летия Октябрьской революции, что у станции метро «Проспект Вернадского». Только учтите, что это не официальный документ, а просто воспоминания давно прошедших дней.

————————————————
Начну с представления:

Родился 27 мая 1930 года в Минске. Родители мои, правда, жили в то время в Москве, но рожать мама поехала в Минск, где в одном из родильных домов работала старшей операционной сестрой-акушеркой моя бабушка.
Отец был профессиональным дипломатом. Одно время, после убийства в Варшаве посла СССР П.Л. Войкова, исполнял обязанности Полномочного представителя Советского Союза в Польше. Потом работал торгпредом СССР в Венгрии, Австрии, Латвии, Чехословакии. Мы все, естественно, отправлялись с ним в страну пребывания. Весной 1937 года отца вызвали из Праги в Москву. На границе, в Негорелом, нас сняли с поезда и… в 1956 году Военная Коллегия Верховного Суда СССР выдала справку, что «Дело по обвинению УЛЬЯНОВА Александра Федоровича пересмотрено Военной Коллегией Верховного Суда СССР 30 июня 1956 года, и Приговор Военной Коллегии от 26 ноября 1937 года в отношении УЛЬЯНОВА А.Ф. по вновь открывшимся обстоятельствам отменен, и дело за отсутствием состава преступления прекращено». Но отца, тем не менее, в сентябре 1938 года расстреляли. Недавно узнал, что похоронен он в братской могиле на Донском кладбище.

А следом за отцом, в ноябре 1937 года, арестовали и маму. Она была парторгом ЦК одного из участков Метростроя. И женой «врага народа». Правда, ее реабилитация застала в живых, но 18 лет лагеря неподалеку от нынешней столицы суверенного Казахстана не прошли бесследно, и она по возвращении в Москву проводила больше времени в больнице, чем дома.

После ареста родителей я оказался у бабушки в Минске. Когда началась война, после оккупации Минска немцами, стал разведчиком в отряде «Непобедимый». После ранения оказался в отряде «Коммунист» бригады имени Щорса. Будучи в этом отряде, я неоднократно встречался с группами разведчиков и диверсантов заброшенных в тыл к немцам. Среди них были разведчики особой партизанской диверсионно-

разведывательной части №9903. Мне довелось в течение некоторого времени сопровождать эти группы в качестве проводника. Вот так я познакомился с девушками из группы Елены Колесовой, ставшей впоследствии Героем Советского Союза, и непосредственно с самим командиром в/ч 9903, Артуром Карловичем Спрогисом. В конце 1942 года, после второго ранения и лечения в партизанском госпитале, я стал диверсантом в отряде имени Фрунзе бригады им. Кирова. В августе 1943 года, после очередного тяжелого ранения был отправлен самолетом на «Большую землю». После выхода из госпиталя получил инвалидность.
Награжден орденом Красной звезды и медалью «Партизану Отечественной войны» I степени. Окончил Рижскую мореходную школу. Плавал матросом Латвийского госморпароходства, но был уволен «за сокрытие родства с врагами народа». Потом работал осветителем на Рижской киностудии. Окончил в 1952 году вечернюю школу и поступил во ВГИК.
——————————————

Теперь непосредственно об истории с Аллеей.

В 1955 году меня избрали секретарем комитета комсомола. Вместе со мной , но на пару курсов старше училась Тамара Лисициан. На каком-то из институтских торжественных собраний мы оказались с Тамарой в президиуме, сидели рядом. И выяснилось, что у нас с ней одинаковые награды: ордена Красной Звезды и партизанские медали первой степени. Разговорились: где, как, при каких обстоятельствах… Тамара была старше меня, лет на семь-восемь. Она рассказала, что была в той же части, что и Зоя Космодемьянская. Даже на задания уходили в один день, только в разных группах. Потом она попала в плен, но поскольку была в военной форме, ее приняли за военного переводчика, благо она знала немецкий и итальянский языки, и отправили в лагерь для военнопленных. Потом лагерь перевели в Италию. Ей удалось бежать, она попала в отряд итальянского сопротивления. Встретилась там с сыном одного из секретарей итальянской компартии, вышла замуж. Избежала таким образом фильтрации при возвращении в Советский Союз. Восстановилась во ВГИКе, где училась до войны.. Она-то мне и сказала, что есть такой Комитет ветеранов войны, а в нем — отдел (секция) партизан, и мне нужно туда пойти зарегистрироваться. Может кого из ребят своего отряда встречу. Я, конечно, согласился, что это было бы здорово. Но на том все и закончилась.

Времени выбраться в этот самый комитет ветеранов у меня не было совершенно. Так прошло пару лет. Я закончил съемки диплома, писал теоретическую часть. А тут опять какое-то мероприятие, которое я не мог пропустить по протоколу. И опять мы с Тамарой сидим в президиуме. Она, правда, уже окончила институт, и была

делегирована от студии им. М. Горького.

И Тамара уговорила меня сходить с ней на встречу с ее однополчанами, многие из которых воевали в рядах белорусских партизан. Мы пришли в особняк на Кропоткинской. Тамара представила меня какой-то тетеньке, которая стала меня досконально расспрашивать: как, где, что, сколько раз ранен, за что награжден, был ли зачислен в резерв БШПД, с кем из командиров и партизан отряда встречался после войны. И все подробно записала в большую амбарную книгу. Договорились, что в ближайшем будущем я снова приду к ней с документами о наградах, о ранении, о прохождении службы в партизанском отряде. И напишу подробную справку обо всем, что было со мной. Точнее — подробную автобиографию. И они с председателем секции партизан решат, куда меня приткнуть.

Председателем секции тогда был то ли С. Ковпак, то ли А. Сабуров, точно уже не помню. Но точно не белорус. И вообще в руководстве белорусов было мало: смоляне, украинцы, партизаны Брянской области, подмосковные партизаны, даже латыши. А белорусских руководителей не было. Были рядовые партизаны из разных отрядов, но больше с Витебщины. А минчан — очень мало. Они все, в основном, остались в Белоруссии.

И в особняке на Кропоткинской я в тот раз никого из белорусов не встретил. Поэтому долгое время туда не заглядывал. Тем более что в стране, и особенно в Москве, тема войны была немодной. Даже орденские планки перестали носить. Только в праздничные дни на улицах можно было встретить бывших фронтовиков с «иконостасом» на груди. В газетах публиковались статьи, в которых описывались подвиги советских воинов. Прохожие смотрели на них с некоторым уважением, но больше – с удивлением. Но проходили праздники, и о них все забывали. А в Комитете ветеранов войны о ветеранах все же заботились. Помогли и мне восстановить инваидность и пенсию, а я решил, что должен помочь другим, и стал постоянным посетителем особняка на Кропоткинской. Ездил с письмами в Подольск, в военный архив, составлял письма в архивы ЦК, в Белоруссию, на Украину, в обкомы партии. Постепенно втянулся в работу и уже не видел себя вне Комитета, несмотря на значительную нагрузку на студии по основной работе и по общественной.

> Где-то в начале 1962 года, в Комитете, спускаясь по лестнице со второго этажа, неожиданно встретил женщину, лицо которой показалось мне знакомым. Она тоже внимательно смотрела на меня.
> — Малышок? Шурка?

— Шурка!
— Не узнаешь меня? Я тебя сразу узнала, — расплылась она в улыбке. — Я — Клава! Помнишь, ты нас провожал из вашего отряда к Жуковичу? И вброд через Березину, и на лодках, через озеро…

Я, честно сказать, совсем забыл об этом эпизоде моей партизанской жизни. И времени много прошло, и событий. Мне не раз приходилось бывать проводником разных групп, приходивших в наш отряд. Даже из диверсионной группы меня пару раз вызывали, чтобы провести кого-нибудь в Борисов или Смолевичи. Поэтому эпизод с девушками в моей памяти тогда не очень отложился. О чем я честно и сказал Клаве. Вернее, Клавдии Александровне Милорадовой. Известной разведчице-партизанке, ближайшей боевой подруге Зои Космодемьянской. Она мне напомнила несколько микроэпизодов нашего совместного путешествия. И я все, или почти все вспомнил.

Клава взяла с меня слово, что я приду в ближайшую среду на Кропоткинскую, где будет сбор их диверсионной части. Она хотела «познакомить со своими товарищами пацана, с которым встречалась в далекой Белоруссии, который помог им, когда они попали в передрягу, и кому тогда они не успели сказать «спасибо». Я обещал, но получилось так, что наша следующая встреча состоялась только в День Советской Армии, который проходил в ЦДКА, и куда я совершенно случайно получил приглашение. Увидев меня, Клава, конечно, отругала, что я не держу слово, но тут же смилостивилась и повела знакомить со своими товарищами-диверсантами.

— Знакомьтесь, друзья. Это «Малышок», белорусский партизан. Он был проводником в нашем путешествии из их отряда, не помню, как назывался, на озеро Палик, к Жуковичу, вернее к «Старику». И через «железку» провел без происшествий, и через Березину под самым носом у «фрицев» переправил. Так что, прошу любить и жаловать!
Неожиданно заговорил статный мужчина с внушительным «иконостасом». Его лицо, тоже показалось мне знакомым.
— Ба! Знакомые все лица. Это же, товарищи, никакой не малышок. Это же белорусский партизан-разведчик Шурка-москвич! Он и у меня в группе был провожатым. Когда мне довелось оказаться в Минской области в сорок втором. Так что я присоединяюсь к Милорадовой и тоже прошу его любить и жаловать! И вообще считать его своим. А отряд его хорошо назывался: «Коммунист»! Ну, Шурка, вспомнил меня?
— Вспомнил, Артур Карлович! Я от Вас еще узнал слово «дислокация». Оно у

нас в отряде потом очень прижилось.
Все засмеялись. А один из присутствующих партизан-диверсантов, Михаил Заикин, сказал.
— Считайте, друзья, что одним спрогисовцем стало больше! Я думаю, что это неплохое пополнение. Артур Карлович ходил с ним в разведку. И я тоже пойду!

Так попал я в дружную когорту диверсантов-партизан, и до сего дня носящих гордое звание «спрогисовцев». Воинская диверсионная часть № 9903. Сформированная в тревожные летние дни 1941 года. Ее диверсионные и разведывательные группы действовали все годы войны в тылу у фашистов и в прифронтовой полосе, и далеко за линией фронта.

Я познакомился и подружился со многими «спрогисовцами»: Аркадием Пуховицким, Юрием Терехиным, Мишей Заикиным, Димой Дмитриевым, (Тамару Лисициан я уже знал раньше). Вот тогда-то, от Клавы Милорадовой я и узнал, что командиром девушек-диверсантов, с кем свела меня судьба в далеком сорок втором, была легендарная Елена (Леля) Колесова, как до сих пор зовут ее «спрогисовцы». Группа, которой наводила ужас на оккупантов в районе станции Крупки, что между Борисовом и Оршей. За помощь в ее поимке или сведения о месте ее нахождении гитлеровское командование обещало 20 000 рейхсмарок, корову и земельный надел. К сожалению, она и почти все девушки ее группы погибли в бою с фашистами 11 сентября 1942 года. Посмертно ей было присвоено звание Героя Советского Союза, а девушки были, посмертно же, награждены орденами Отечественной войн I степени.
В советском комитете ветеранов войны секция партизан хотя и числилась номинально, но фактически проку от нее было мало. Большинство партизан находились не в Москве: смоленскими партизанами занимался Совет ветеранов Смоленской области, Брянскими, липецкими, ленинградскими, псковскими, белорусскими, украинскими — Советы ветеранов областей и республик. А в Москве, партизанами, в том числе и иногородними, занималась секция партизан Подмосковья. Они вели большую работу по поиску и увековечению памяти погибших партизан в Подмосковье и подмосковных партизан погибших в других регионах. И помогали всем партизанам, живущим в Москве и Подмосковье, независимо от того, в каких соединениях они воевали.

Партизаны в/ч 9903 оказались наиболее организованные. И, где-то, начиная с начала шестидесятых годов, они (и я в их числе) стали собираться ежегодно, в День Победы, в сквере перед Большим театром, у фонтана. Вскоре к ним присоединились и другие партизаны Подмосковья и, живущие в Москве, партизаны соединений воевавших в

других регионах. Традиционно, после встречи у Большого театра партизаны-«спрогисовцы» «скидывались» и отмечали Праздник в каком-либо ресторане («Пекин», «София», «Узбекистан»), а если народу было не очень много, собирались у Клавы (Клавдия Александровна Милорадова, легендарная разведчица, подпольщица, диверсантка), которая жила неподалеку на Ильинке и в тесноте, но не в обиде вспоминали прежние годы, боевые эпизоды, и друзей, которых унесло военное лихолетье.

5 марта 1967 года состоялось общее собрание партизан Подмосковья и групп из отрядов других регионов: «Заслоновцев», «Садчиковцев», «Гришинцев» и др. Было избрано «Бюро ветеранов партизанского движения Подмосковья» в составе 23 человек. В состав бюро вошли командиры партизанских соединений, проживавшие на тот момент в Москве. Председателем был избран Борис Николаевич Черноусов, бывший секретарь Московского обкома ВКП(б), курировавший в годы войны партизанское движение в Помосковьи, заместителем стал Артур Карлович Спрогис, ответсекретарем, Анатолий Васильевич Торицын, бывший помощник Начальника ЦСПД при ставке Верховного Главнокомандования по работе среди молодежи в тылу врага. В бюро вошли и другие работники аппарата ЦК КПСС и правительственных организаций, имевшие в годы войны отношение к партизанскому движению, например. Михаил Петрович Щербаков, Николай Ильич Симонов и др.
Бюро обратилось в МГК КПСС с ходатайством о строительстве памятника-музея народных мстителей Подмосковья. По ходатайству было принято решение о заложении в одном из парков столицы «Аллеи партизан Подмосковья». Аллея была заложена в канун празднования 50-летия Октября в парке на Проспекте Вернадского, получившем названия «Парк имени 50-летия Октябрьской революции». В это не очень солнечный день на пустыре, ставшем впоследствии ухоженным парком, которым ныне любуются и любят отдыхать жители района «Раменки», собралось довольно много партизан-москвичей и не только. Правда, произошло это несколько неожиданно, не всех успели оповестить. Больше всего пришло «спрогисовцев». Было несколько грузовых машин с саженцами молодых березок несколько кучек чернозема (или каких-то удобрений), и тачки. И даже какое-то количество рукавиц (правда, не всем достались). Какое-то начальство говорило хорошие слова. Потом выступил один из самых активных инициаторов акции, Артур Карлович Спрогис и сказал примерно так:

> — Каждый партизан пришедший сегодня сюда должен посадить березку и ухаживать за ней, чтобы она выросла и стала украшением нашей столицы. Но самое главное, мы должны посадить березки и смотреть за ними, пока живы, в память тех наших товарищей, что отдали за нашу Отчизну самое

> дорогое — свою жизнь! В нашей воинской части это будут, прежде всего, деревья в память боевых подруг незабвенных Зои Космодемьянской, Лёли Колесовой, Зои и Нины Суворовых, Жени Полтавской, наших бойцов и командиров групп: Ивана Ширинкина, Бориса Ежикова, Павла Смирнова, Константина Пахомова, Володи Тобольцева, других наших друзей и подруг. Тут у нас есть, неполный, правда, список. Я думаю, что каждый из вас посадит не только свое дерево, но и дерево в память о друге, с которым ходил на задания и которого нет сегодня среди нас. И вот эту первую березку, память нашей Зои, первой девушки, удостоенной звания Герой Советского Союза в этой войне, я предлагаю посадить вот здесь, в начале Аллеи. А рядом мы посадим деревца в память Лелюшки, нашей, Колесовой. А там, напротив, в память, незабвенных сестер Суворовых. И помогут мне в этом, прежде всего, наши девушки-красавицы!

Вот примерно так сказал Артур Карлович, может не только эти фамилии назвал, точно уже не помню. Помню только, что семнадцатую по счету березку с правой стороны Аллеи, если смотреть от памятной доски (которая, кстати, была установлена значительно позже, а тогда была просто дощечка и надпись, что «Здесь будет…»), была посажена мной. А рядом – шестнадцатую, посадил Миша Заикин, который пришел с женой и она ему помогала. А чуть дальше на два или на три дерева посадил свой саженец Юра Терехин. А на другой стороне Аллеи (тогда она еще не была заасфальтирована — только следы от проехавших грузовиков) свои березки сажали Клава Милорадова и Нина Молий, а еще ближе к началу Аллеи на «моей» стороне посадил деревце Аркадий Маркович Пуховицкий, а на «Клавиной» стороне – Тамара Лисициан. (Она еще руку поранила лопатой).
Но «Аллея» не сразу стала местом наших постоянных встреч. «Спрогисовцы», да и другие партизаны продолжали встречаться в сквере у Большого театра, пока в 1975 году Московское начальство не поломало эту традицию, мотивируя, что слишком много людей собираются, не только партизаны, но и другие соединения. Места, дескать, мало, создается толчея. И нам было предложено проводить встречи в ЦПКиО им. Горького. На огромной территории парка ветеранов так развели (рассредоточили), что никто никого не видел. Партизаны, так и не собрались, потому что какой-то идиот решил отдельно собрать партизан Подмосковья, смоленских, брянских, белорусских, украинских. Табличек-указателей было столько, что найти кого бы то ни было, оказалось выше понимания нормального человека. Тогда Спрогис отдал «приказ»: раз не разрешают в сквере у Большого театра, будем собираться в сквере у к/т «Колизей», где было место первого сбора части в 41-м! А на Аллее стали собираться в ноябрьские

праздники. И лишь много позже, когда Артур Карлович уже болел и не стал приходить на наши «посиделки» кто-то предложил собираться на Аллее. И идея прижилась, стала традицией. И потянулись партизаны не только в/ч 9903, не только Подмосковья. Одновременно с этим Объединенный Совет партизан стал проводить в один из нерабочих майских дней после Дня Победы «Встречу партизан у партизанского костра». Сначала это было несанкционированное мероприятие самих партизан, поддержанное Дирекцией Измайловского парка. Затем к акции подключился Московский комитет ветеранов войны. Потом по инициативе ряда партизанских командиров, возглавлявших в ту пору первичные Советы своих соединений Гришина, Корнеева, Анцигина, и председателя Объединенного Света партизан и подпольщиков руководство Московского комитета ветеранов войны и Московского Совета ветеранов войны, труда, вооруженных сил и правоохранительных органов (не знаю точного названия, но руководитель — Долгих) Выступили с инициативой утвердить Всероссийский День партизана и подпольщика. Инициатива была поддержана в Администрации Президента и в марте 2009 года Президент России Д.Медведев подписал Указ об учреждении памятной даты «День партизан и подпольщиков» 29 июня. Дата была приурочена к дате выхода Постановления СМ и ЦК ВКП(б) о создании на оккупированных фашистскими войсками территориях массового партизанского движения. Хотя первый бой партизанское соединение Василия Захарович Коржа дало войскам Вермахта уже 27 июня 1941 года. И теперь Московский комитет ветеранов проводит ежегодно традиционную встречу партизан и подпольщиков «Партизанский костер» в Измайловском ПКиО 29 июня, в День партизан и подпольщиков. Но это ни в коей мере не влияет на многолетнюю традицию отмечать партизанам, живущим в Москве и Подмосковье, а также всем партизанам, оказавшимся в этот праздничный день в Москве, ровно в 13.00, собираться у памятного знака на Алле партизан Подмосковья, чтобы увидеть своих боевых друзей, вспомнить тех, кто приходил когда-то, но ушел безвозвратно, вспомнить тех, кто никогда не был на этой Аллее, но в память о которых стоят березы, посаженные их друзьями или родными и близкими. Вот только именных табличек, что были когда-то у каждого деревца в лихие девяностые не стало. Они ведь были из алюминия.

Вот, пожалуй, и все, что могу рассказать про нашу, а теперь и Вашу Аллею партизан.

А.Ульянов
белорусский партизан, еще в годы войны примкнувший к «спрогисовцам», а в послевоенные годы к ним себя причисливший и ими принятый, хотя формально таковым и не был».